
СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
1. ВЬТЬ СТИХИ (1946–1963)	17
Детство	17
Контрасты, каверзы и рифмы	24
Литературная студия на Ленинских горах	28
Неофутуризм.....	33
Литературная студия М. М. Шур.....	37
В прокуренции	40
Борис Пастернак.....	44
2. «ЮНОСТЬ»	49
Феномен	49
«Художник»	57
«Чем пахнет граница».....	65
Оден	68
Без будды.....	73
Фельетоны	83
Переделкино.....	87
Андрей Вознесенский.....	92
3. САМОЕ МОЛОДОЕ ОБЩЕСТВО ГЕНИЕВ	100
Андеграунд.....	100
Старая гвардия	106
Алёна Баилова	111
Илья Эренбург	120
Оргия гипербол.....	123
Владимир Алейников	131
4. ЛИТЕРАТУРНАЯ БУЗА (1965)	134
Выступление в библиотеке им. Фурманова	134
Знакомство с художниками	139
Поездка в Ленинград	141
Вечера в Москве	144
Небольшие происшествия	147
Сергей Есенин.....	153

5. МЕЖДУ ЛИТЕРАТУРОЙ И ПОЛИТИКОЙ (1965–1966)	158
Демонстрация	158
Коммуна в Игнатово.....	164
«Сфинксы».....	167
Новый Свет.....	175
Дело Синявского и Даниэля	178
Вялотекущая шизофрения.....	186
6. УХОД В АНДЕГРАУНД (1966)	191
Выступление перед Слуцким, Самойловым и Кирсановым ...	191
Разгон смогистов	200
Большой Улуй	206
Иосиф Бродский.....	211
«Дом с аптекой»	215
Анатолий Найман	222
В гостях у Бр. и др.	225
Корреспонденции в Сибирь	228
7. ПОПЫТКА ВСТРЯХНУТЬСЯ (1967).....	232
Изунизм	232
На семинаре Арсения Тарковского	234
Эдуард Лимонов.....	237
В прозе и стихах: от Эдика к «Эдичке»	245
«Гостиница для путешественников в прекрасном»	252
В Сибирь?.....	256
8. ДЕЛА, ДЕЛА, ДЕЛА.....	259
О мужестве	259
Процесс четырёх	263
Алексей Кручёных.....	270
Вадим Делоне	276
Фюрер смогизма.....	282
«Пролетарии всех стран, развлекайтесь!».....	283
9. КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ (1969–1975)	290
Евгений Евтушенко.....	290
Армения.....	293
Михайловское	301
Валерия Любимцева.....	305
В отрыве от богемы	309
Переворачивая столы	314
Марина Цветаева	317
Кухня	321

10. ПО ТУ СТОРОНУ [БЕЗ ДАТЫ].....	323
Ирина Сапо.....	323
В Южинском кружке.....	323
Эзотерика.....	329
В кругу концептуалистов.....	334
В романах Сорокина.....	337
Венедикт Ерофеев.....	343
Величие замысла.....	350
11. НАДЕЖДА НА ЛУЧШЕЕ.....	357
Живопись.....	357
Александр Тышлер.....	361
Барды.....	363
Владимир Высоцкий.....	367
Кино.....	372
Андрей Битов.....	377
«Муки музыки».....	380
Офелии.....	383
12. РАСПАД (1977–1983).....	391
Здесь русский дух, здесь Русью пахнет.....	391
«Московское время».....	396
Наталья Кирилишина.....	401
Татьяна Клячко.....	414
Татьяна Дунькова.....	418
Перед смертью.....	419
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	433
Губанов-пророк.....	433
Список книг.....	438
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	440
ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА	
Л. Г. ГУБАНОВА.....	444
КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ.....	448
Издания Л. Г. Губанова.....	448
Воспоминания о Л. Г. Губанове.....	448
Исследования жизни и творчества.....	449
Материалы РГАЛИ.....	449
Из личного архива.....	449
ПРИМЕЧАНИЯ.....	450

Его шпаргалкою повесят,
чтоб списывали, но не трогали!

Л. Г. Губанов

И меня оденут в сладкий дым
грозовых легенд и примечаний,
я ведь был когда-то молодым,
этого они не замечали.

Л. Г. Губанов

ПРЕДИСЛОВИЕ

1

Книга созревала долго.

Сначала году в 2015-м меня подсадил на поэзию Губанова мой коллега Александр Кузнецов. Трудно было после общения с ним не «заразиться» «Полиной», «Дуэлью с Родиной» и «Серым конём». Он рассказывал о поэте, о его друзьях, о его возлюбленных. Спасибо ему!

Я скупил все книги, которые были доступны. Перечитал их несколько раз. Переслушал доступные и не очень доступные аудиозаписи с авторским чтением стихов. Пересмотрел губановские картины и рисунки.

А потом попал на телепередачу, где шёл разговор о современном литературном процессе — в прекрасной компании Андрея Рудалёва, Алексея Колобродова и... Юрия Михайловича Кублановского! Немного пообщавшись с мэтром, я понял, что необходимо братья за книгу.

2

Написать биографию Леонида Губанова — дело, кажется, нехитрое.

Есть специалист высочайшего уровня Андрей Журбин, благодаря которому выпущен сборник мемуаров о поэте, составлена полная библиография и протоптаны многие и многие филологические тропки.

Выпущены книги «Серый конь», «Я сослан к Музе на галеры...», «И пригласил слова на пир», «Постигший

слово как восторг» и, наконец, «Меня ищут как редкий цветок...» с переводами на итальянский, французский, сербский и хорватский языки.

Много, не правда ли? Как с этим не работать?

Ещё живы многие друзья, приятели, товарищи, соратники, собутыльники, сослуживцы, возлюбленные, случайные знакомые и зрители кухонных концертов — бери да опрашивай их, узнавай всё, что тебя интересует.

3

И всё равно — писать мучительно и сложно.

Есть Андрей Журбин, которому сам Бог велел написать биографию, но отчего-то её пока нет. Уверен, однако, что рано или поздно она появится.

При этом сказать что-то ещё, что-то принципиально новое — можно, но для этого приходится прыгать выше своей головы (что, впрочем, радует, ибо заставляет расти).

Есть вдова и её архив, но тут возникают свои трудности. «Кабы не навредить Лёничке...» — есть страх, что та или иная публикация может отпугнуть читателей. Поэтому сотни (если не тысячи!) неопубликованных текстов самых разных жанров будут ещё очень долго пылиться на антресолях.

Есть множество людей, знавших поэта, но при общении с ними возникает большое количество проблем:

— прошло время, и, если человек не вёл дневник или систематические записи, восстановить былые события порой просто невозможно;

— надо отделять правду от выросшей мифологии;

— надо отделять намеренную дезинформацию от поэтических фантазий;

— надо отделять явное и неявное желание приукрасить ситуацию от аббераций памяти.

У некоторых сохранились машинописные и рукописные сборники, рисунки, автографы, книги из домашней библиотеки Губанова, но толку от этого никакого, ибо, пока не будет создан *единый архив*, невозможно адекватно работать с материалом. Безусловно,

есть такие находки, что разукрашивают белые пятна, но это лишь иголки в разворошённом и частично сожжённом стоге шелестящего бумажного сена.

4

Ахматова говорила, что любая прямая речь в воспоминаниях — ложь. Я не столь категоричен, но, читая труды двух Владимиров — Алейникова и Батшева — самые объёмные, без которых невозможно писать о СМОГе, — ловил себя на мысли: что-то здесь не сходится.

Беда в том, что оба литератора считают друг друга стукачами. Сразу скажу, чтоб не возвращаться к этому позднее: пока нет документов из архива КГБ-ФСБ, не стоит делать громких заявлений.

Алейников — отличный поэт и художник. Прочитаешь — и с ходу запоминаются некоторые его стихи — гениальные, что уж и говорить. Их не так много, как хотелось бы. Но они есть. С ними он войдёт в историю русской литературы. Ещё я посетил несколько его художественных выставок, купил себе одну из его картин, планирую приобрести ещё. Он великолепный художник. Но при всём при этом я не могу доверять на сто процентов его мемуарам. Но не потому, что они неточные, а потому, что Алейников и не стремится к точности, к фактологии, к датам и числам. Ему важен дух времени. Поэтому он и растекается мыслью по древу.

Батшев же очень средний поэт. Мне нравятся несколько его текстов, с которыми довелось поработать в РГАЛИ (в Российском государственном архиве литературы и искусства). Они очень ладные и хорошие. Но при сопоставлении с другими поэтами, которые появятся на страницах этой книги, он не то чтобы проигрывает, но определённо теряется на общем фоне. Зато как мемуарист Батшев очень въедлив. Он рано понял, что СМОГ останется в истории — не только литературы (и шире — культуры), но и в истории страны в целом. Поэтому начал собирать документы и фиксировать один прожитый день за другим. И в этом он значительно отличается от Алейникова.

Помимо подозрений в стукачестве они ещё развязали войну — спустя столько лет! — за главенство в СМОГе. Но тут, думается, двух мнений быть не может. Один — вместе с Губановым творил волшебство в литературе, другой — занимался политикой.

Юрий Михайлович Кублановский на наш прямой вопрос об этом споре чётко сказал: «Владимир Алейников — это всегда нечто другое. Он большой импровизатор. Во времена СМОГа он тоже писал гораздо лучше меня. После Губанова он был там второй человеком»¹.

Неожиданно прозвучал Саша Соколов. Для него второй человек в СМОГе — это Губанов:

«[Алейников] был главным у нас поэтом. Был Губанов, Володя Батшев. <...> Да, [они] не состоялись, в силу бытовых причин. У них были колоссальные задатки. Тем более что примеры для подражания были великолепные — мы считали нашим главным учителем Пастернака. И я думаю, что не хватило Губанову просто литературного образования. Слишком было много ухода в анархию. Энергетики было очень много. Это всё перехлёстывало. Я не выдерживал дольше одних суток в этой компании. Это было невозможно. Они вели эту чудовищную жизнь, месяцами не просыхая и перемещаясь с одной гачи на другую»².

Но оставим нашему мэтру его оценку и не будем придираться.

Как работать с такими диаметрально противоположными мемуаристами и, так сказать, с оригинальными суждениями? Да вот как-то приходится, стараясь сопоставлять и вычленять истину.

5

Отчасти из-за разрозненного архива, отчасти ввиду постоянного несистематического переписывания стихов самим Губановым возникает множество текстологических неувязок. Одна из самых заметных описана Натальей Шмельковой. Дело касается стихотворения «Серый конь».

Цитируем по альманаху «Зеркала» (1989):

Знаю я, что меня берегут на потом,
И в прихожей, где чахло целуются свечи,
Оставляют меня в гениальном пальто,
Выгребая всю мелочь на творческий вечер.

Шмелькова ссылается на Юрия Крохина, который поправляет последние две строчки:

Оставляют меня гениальным пальто,
Выгребая всю мелочь, которую не в чем...

В самиздатском сборнике (1975), подаренном Шмельковой, появляется ещё один вариант:

Оставляют меня гениальным пальто,
Выгребая всю мелочь, которая вечность.

Возникает странная ситуация: и сам Губанов по зрелости лет правил свои тексты, и его первая тёща Алла Рустайкис на свой вкус редактировала то, что скопилось в её домашнем архиве, а иной раз и неразборчивый почерк давал возможность публикаторам записывать слова в том или ином виде.

Что с этим делать — не совсем понятно.

6

Другие неувязки мне удалось заметить, заглянув буквально одним глазком в РГАЛИ.

Во-первых, в стихах — особая пунктуация. Она не то чтобы неправильная и не совсем всё-таки авторская, а больше походит на интуитивный синтаксис поэта, привыкшего *читать* свои стихи. Знаки препинания заменяют ему ритмические паузы.

Сурен Золян, его младший ереванский товарищ, с которым велась серьёзная филологическая переписка, писал об этом так: *«...Губанов использует своеобразную пунктуацию, вероятно, отражающую его интонацию — он достаточно вольно трактует правила постановки запятой, ставя её там, где она правилами не требуется, и, напротив, пропуская там, где она положена. В написанных от руки письмах он обращается со знаками*

препинания ещё более вольно. Особый пунктуационный приём — многоточия, в том числе и в середине предложения, причём иногда это три точки, но обычно — четыре. Считать это описками вряд ли правильно...»³

Юрий Кублановский очень точно уловил эту интонационную особенность: «...и вновь звучит во мне порой его подзабытый голос. И когда звучит — вытягивает даже и слабый текст, а когда нет — остаёшься с книжными столбцами один на один, и тут вступают в силу свои безжалостные законы: законы стихотворчества и временного устаревания»⁴.

Голос Губанова наэлектризован, насыщен какой-то нечеловеческой энергией и, как следствие, витален. Это касается и поэтики, и манеры чтения. Прочитаешь ли, послушаешь ли — и хочется разом распахнуть окно, чтобы в комнату попал свежий воздух, хлопбытнуть рюмашку, чтобы было хорошо, или удавиться, чтобы, наконец, ничего не было.

Полярные состояния возникают за счёт неожиданного и порой безумных метафор, ломаных синтаксических конструкций и, конечно, русского бессознательного, которое так умело воспроизводится в стихах.

Беда же в том, что в современных сборниках тексты печатаются без какой-либо системы: орфография и пунктуация либо приводятся к современным нормам, либо остаются оригинальными. Так нельзя: это сбивает читателю дыхание.

К тому же книги составлены без должной филологической работы. Я не говорю о сносках и комментариях — это дело времени и большой коллективный труд. Дело в...

Лучше приведу пример.

7

Слушаю диск с записями, где поэт читает свои стихи⁵. В «Молитве. 1968 год. Кунцево» (которое ранее имело название «Воинствующая просьба») слышится:

Вдарь по струнам детворы
чёрный меч и чёрный мячик...